

Фильм Козлов

Прививка

Максим Козлов

Прививка

«Автор»

2026

Козлов М.

Прививка / М. Козлов — «Автор», 2026

Далекое будущее. Человечество победило войну — «Прививка пацифизма» навсегда лишила людей способности к агрессии. Исчезли армии, тюрьмы, полиция. Наступил вечный мир. Историк Марк изучает архивы «доисторического» периода и находит трещину в этой безупречной утопии. Оказывается, Прививку создала не для спасения человечества, а для его порабощения корпорация, выросшая из военно-промышленного комплекса. Мир без насилия оказался тюрьмой без стен, где невозможен даже бунт — химический блок не позволяет человеку поднять руку, закричать, возненавидеть. Марк находит способ создать антидот. Но цена свободы — человеческая жизнь. Чтобы вернуть миру способность выбирать, нужно сначала совершить убийство. И этот выбор оказывается самым трудным в истории, где убийство было невозможно сто лет. «Прививка» — аллегория о цене свободы, о границе между безопасностью и рабством, о праве человека оставаться опасным — и оставаться человеком.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пыль на корешках	5
Пустое место в переулке	13
Тени на плёнке	18
Почерк создательницы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Максим Козлов

Прививка

Пыль на корешках

Солнце в это время всегда било прямо в окно библиотеки. Оно проходило сквозь толстое стекло, теряло силу, но всё равно нагревало деревянный стол так, что пахло старым лаком и ещё чем-то — может быть, временем. Марк сидел за столом и смотрел на свои руки. Руки были чистые, с тонкими пальцами, ногти ровные, без траура под ними. Руки человека, который никогда не дрался. Он смотрел на них и думал, что они похожи на экспонат из музея, на что-то, что хорошо сохранилось, но утратило главную функцию.

За окном был город. Город был тихий. В нём не было сирен, не было криков, не было даже резких автомобильных гудков — машины двигались плавно, как рыбы в аквариуме, и если кто-то переходил дорогу не там, водитель просто останавливался и ждал, улыбаясь. Все всегда улыбались. Улыбка была стандартной, как шрифт в документах, — уголки губ подняты ровно на столько миллиметров, сколько нужно, чтобы распознавалась дружелюбность, но не проступала угроза оскала. Марк иногда ловил себя на том, что разглядывает прохожих через стекло и пытается найти трещину в этой улыбке, хоть что-то, намёк на то, что внутри у них иначе. Но внутри, кажется, было то же самое.

Он перевернул страницу. Книга была старая, настоящая бумажная, из тех, что хранились в специальном отделе с контролем влажности и света. Таких книг осталось мало, и допуск к ним имели только историки с уровнем «А» и выше. Марк получил допуск три года назад, и каждый раз, заходя в этот отдел, чувствовал что-то похожее на то, что, как он предполагал, раньше называли трепетом. Но чувство было неполным, будто обрезанным по краям, как фотография, которую неудачно кадрировали. Прививка обрезала эмоции по краям — оставляла середину, ровную, безопасную середину, а всё, что выходило за пределы, блокировала мягко и необратимо. Ты мог чувствовать радость, но не восторг. Печаль, но не отчаяние. Интерес, но не одержимость. И конечно, ты никогда не чувствовал гнева.

На странице была гравюра. Марк уже видел её раньше, в оцифрованных копиях, но в оригинале она производила другое впечатление. Гравюра изображала битву. Художник вырезал на металле сотни фигур — люди с искажёнными ртами, с поднятыми руками, в которых были зажаты предметы, назначение которых Марк знал теоретически. Мечи. Копья. Топоры. Предметы, созданные для того, чтобы нарушать целостность человеческого тела. Он вглядывался в лица, и его начинало подташнивать — не от отвращения, а от невозможности понять. Эти люди на гравюре кричали. Они открывали рты так широко, что, казалось, челюсти должны были сломаться. Они делали то, чего Марк не мог себе даже представить в физическом ощущении. Когда-то, до Прививки, люди могли испытывать такую ярость, что их тела выбрасывали адреналин в кровь в таких дозах, что он перекрывал боль, страх, инстинкт самосохранения. Это было задокументировано. Это было фактом. Но факт не становился понятнее от того, что был записан.

Он закрыл книгу. Пыль поднялась с корешка и зависла в луче солнца золотым столбом. Марк смотрел на эту пыль и думал о том, что каждая частица когда-то была частью чего-то другого — дерева, кожи, может быть, даже человека. Всё превращалось во всё, и только Прививка останавливала этот круговорот, фиксировала состояние. Мир стал стабильным. Стабильность была главным словом эпохи. Никто не хотел возвращаться к тому, что было до.

Но Марк хотел.

Это началось не сразу. Он не мог точно вспомнить момент, когда впервые заметил трещину в своей собственной улыбке. Может быть, это случилось, когда он нашёл письмо. Письмо было вложено в книгу, которую никто не открывал лет пятьдесят. Книга была посвящена экономическим моделям довоенного периода, сухая статистика, таблицы, графики, ничего интересного для обычного читателя. Но между страницами лежал сложенный вчетверо лист бумаги, пожелтевший до цвета старой кости. На листе было написано от руки, почерк был неровный, с наклоном влево, буквы прыгали, некоторые слова были подчёркнуты так сильно, что ручка прорвала бумагу. «Они говорят, что это ради нашего блага. Но благо не может быть обязательным. Если тебя заставляют быть хорошим — ты не хороший. Ты просто сломанный». Подписи не было. Марк прочитал это письмо тридцать семь раз. Он не мог его выбросить. Он не мог его никому показать. Он просто хранил его в кармане, и бумага постепенно истончалась на сгибах, становилась мягкой, как ткань. Это было первое доказательство того, что сопротивление существовало. Что кто-то до него уже думал об этом.

Библиотекарь подошла неслышно, как они все подходили. Мягкая обувь, мягкие движения, мягкий голос.

— Марк, вы закончили с этой единицей? Мне нужно отметить в реестре.

— Почти, — сказал он. — Я хотел бы продлить допуск ещё на день.

— Конечно. Никаких проблем.

Никаких проблем. Это была ещё одна стандартная фраза. Её произносили так часто, что она потеряла смысл, стала просто шумом, сигналом социальной связи, как у животных. У животных, подумал Марк, но одёрнул себя. Сравнить людей с животными было некорректно. Сравнения были опасны, потому что вели к обобщениям, а обобщения вели к разделению, а разделение вело к конфликту. Так учили в школе. Так писали в учебниках. Цепочка была логичной, и каждый шаг в ней был верен, но всё вместе почему-то складывалось в ложь. Марк не мог объяснить почему. Он просто чувствовал это — то самое обрезанное чувство, которое Прививка не могла подавить полностью, потому что оно было не эмоцией, а мыслью. Прививка не блокировала мысли. Только действия. Только желания. Но если долго думать определённым образом, то даже заблокированное желание могло прорасти, как трава через асфальт, — медленно, незаметно, но неизбежно.

Он вышел из библиотеки в пять часов пополудни. Солнце уже сместилось, и тени стали длинными и синими. Улица была заполнена людьми, которые шли с работы домой, и все они улыбались. Марк шёл в этом потоке и чувствовал себя инородным телом, занозой, которую организм не может вытолкнуть, но и не может растворить. Он пытался вспомнить, когда в последний раз видел человека, который не улыбается. Кажется, это было в архиве, на старой видеозаписи. Запись была плохого качества, изображение дёргалось, но можно было разобрать толпу людей, которые что-то кричали. Они не улыбались. Их лица были напряжены, глаза широко открыты, и в них было что-то, что Марк сначала принял за безумие, а потом, присмотревшись, понял: это была свобода. Свобода выглядела так. Свобода была некрасивой. Она была страшной. Но она была настоящей.

Он свернул в переулок, где находилась его квартира. Переулок был узкий, мостовую выложили ещё до Прививки, и камни были стёрты миллионами шагов. В углу переулочка стоял старик. Он стоял там каждый день, прислонившись к стене, и смотрел на прохожих. Его лицо было единственным во всём городе, которое не носило стандартной улыбки. Старика знали. Его называли «последний», и это слово произносили с оттенком чего-то среднего между жалостью и гордостью — как напоминание о том, от чего человечество ушло. Старик не был сумасшедшим. Он просто родился до Прививки и почему-то не получил её. Официальная версия гласила, что по медицинским показаниям. Неофициальная, которую никто не произносил вслух, но все знали, — что он отказался.

Марк проходил мимо старика и обычно отводил глаза, как все. Но сегодня он остановился.

— Почему ты смотришь на меня? — спросил старик. Голос у него был как ржавое железо.

— Я не знаю.

— Врёшь. Ты знаешь. Ты хочешь спросить что-то.

Марк помолчал. Он действительно хотел спросить что-то. Вопрос был внутри него давно, он рос и занимал всё больше места, и теперь ему было тесно в грудной клетке.

— Как вы это делаете? — спросил он наконец.

— Что именно?

— Как вы не улыбаетесь?

Старик засмеялся. Смех у него был сухой и резкий, совсем не похожий на те мягкие смешки, которыми обменивались люди вокруг. Он смеялся, как кашлял, — неровно, с перерывами, будто что-то застревало в горле.

— А зачем мне улыбаться? Мне не весело.

— Но ведь... — Марк запнулся. Он хотел сказать «так принято», но понял, что это глупо.

— Вот именно, — сказал старик, хотя Марк ничего не произнёс. — Ты уже начинаешь понимать.

Он оттолкнулся от стены и пошёл прочь, чуть прихрамывая на левую ногу. Марк смотрел ему вслед и чувствовал, как внутри что-то сдвигается, будто льдина, которая тает и меняет положение, освобождая тёмную воду. Страх — вот что это было. Но не тот стандартный страх, который разрешала Прививка, — страх за чью-то безопасность или страх экологической катастрофы. Это был личный, острый страх перед выбором. Потому что если старик был прав, если можно было не улыбаться и не рассыпаться на атомы от этого, тогда всё, что Марк знал о мире, могло оказаться неправдой.

Дома он включил терминал и загрузил архивные файлы, к которым имел доступ. Три гигабайта текстов, оцифрованных газет, официальных отчётов и неофициальных мемуаров, переведённых в цифру до того, как оригиналы были уничтожены. Уничтожены — глагол, который в современном языке почти не использовался. Нечего было уничтожать. Но до Прививки этот глагол был одним из самых частотных. Марк читал, и строчки плыли перед глазами, складываясь в картину, которая противоречила всему, чему его учили.

Корпорация «Мир». Сейчас это был благотворительный фонд, который занимался распространением вакцины в удалённых регионах и получал за это награды от Всемирного Совета. Но до Прививки она называлась иначе. «Майт Индастриз». Военно-промышленный гигант, производивший семьдесят процентов всего оружия на планете. Танки, ракеты, системы наведения, бронжилеты, беспилотники, которые тогда называли дронами-убийцами, — всё это выходило с заводов «Майт». Когда война стала слишком дорогой — не в смысле денег, а в смысле репутации, когда люди начали массово протестовать, когда армии начали отказываться стрелять в гражданских, — корпорация перестроилась. Это было в отчётах. Это была публичная информация. Но никто не связывал одно с другим, потому что связывание вело к выводам, а выводы вели к вопросам, а вопросы были нежелательны.

Марк провёл рукой по лицу. Кожа была горячей. Ему нужно было успокоиться. Он попытался применить стандартную технику, которой учили в школе: глубокий вдох, медленный выдох, представить себе что-то приятное. Зелёный луг. Горы в тумане. Детский смех. Но картинка не помогала. Внутри росло что-то, чего он не мог назвать, потому что название было заблокировано. Оно было похоже на гнев. Но гнева он испытывать не мог. Значит, это было что-то другое. Он назвал это «несогласием». Несогласие — разрешённое слово. Оно было в словаре. Оно означало, что ты имеешь иную точку зрения, но готов к диалогу. Марк не был готов к диалогу. Он не хотел диалога. Он хотел, чтобы всё было иначе.

Он открыл файл с пометкой «конфиденциально». Файл был защищён паролем, но пароль был стандартный для архивов его уровня доступа. Странно, что файл вообще сохранился. Обычно такие вещи подчищали. Но кто-то, видимо, не успел или не посчитал нужным. Кто-то из прежних историков, может быть, тот, кто написал письмо, спрятанное в книге.

Текст был технический. Формулы, графики, описания биохимических процессов. Но суть была ясна. Прививка действовала на надпочечники и префронтальную кору одновременно. Она блокировала выработку норадреналина в определённых пропорциях, меняла порог активации миндалевидного тела, подавляла реакцию «бей или беги». Но это было не всё. Она также стимулировала выработку окситоцина и серотонина в ответ на социально одобряемое поведение. Человек не просто терял способность к агрессии — он получал химическое вознаграждение за послушание. Это была не вакцина. Это была перепрошивка личности на гормональном уровне.

И антидот существовал.

Эта информация была в самом конце файла, почти как сноска, как то, что автор добавил в последний момент. Формула была сложной, но воспроизводимой. Проблема была в одном компоненте. Для активации антидота требовалось вещество, которое вырабатывается в человеческих надпочечниках только в момент экстремального страха, смешанного с гневом, — в момент, который на современном языке даже не имел названия. В старых текстах это называлось «ярость боя». Чтобы получить это вещество, нужно было убить человека. Не просто убить — сделать это в момент, когда он испытывает максимальный выброс адреналина, норадреналина и кортизола. Когда его тело готово драться. Когда его мозг кричит от ярости. А потом извлечь надпочечники и синтезировать сыворотку.

Марк отодвинулся от экрана. Его руки дрожали. Дрожь была мелкая и противная, как озноб при болезни. Прививка реагировала на то, что он читал, как иммунная система на вирус. Она пыталась подавить реакцию, но реакция была не эмоциональной — она была интеллектуальной, и блокировка работала плохо. Вакцина была рассчитана на среднего человека, а Марк был историком, он с детства тренировал мозг обходить ограничения. Он не мог ударить, не мог закричать, не мог даже представить себе акт насилия без тошноты. Но он мог думать. Думать ему пока не запретили.

Он выключил терминал и долго сидел в темноте. Город за окном светился мягким янтарным светом. Где-то играла музыка — что-то медленное и гармоничное, без диссонансов. Диссонансы были запрещены в музыке, как и в жизни. Мир был симфонией, в которой все инструменты играли одну ноту, и эта нота была «да».

Марк лёг на кровать и закрыл глаза. Перед внутренним взором встала гравюра из старой книги — искажённые рты, поднятые руки, предметы, созданные для убийства. И среди всего этого хаоса он вдруг увидел лицо. Оно было спокойно. Оно не улыбалось. Оно смотрело прямо на него, и в глазах его был вопрос.

На следующий день Марк снова пошёл к старику. Тот стоял на своём обычном месте, будто и не уходил никогда. Может быть, так оно и было — может быть, он всегда стоял там, просто Марк раньше его не замечал.

— Я читал про антидот, — сказал Марк без предисловий.

— Интересно, — сказал старик. Он не выглядел удивлённым.

— Для него нужно убить человека.

— И ты хочешь знать, как я к этому отношусь.

— Да.

Старик посмотрел на Марка долгим взглядом. Глаза у него были серые, выцветшие, но не пустые. В них было что-то, чего Марк не видел ни у кого из современников.

— Я прожил восемьдесят семь лет, — сказал старик. — Из них сорок три — до Прививки. Я помню, как это было. Я помню драки в школе, я помню, как мой отец ударил мать,

я помню войну, которая шла на другом конце мира, но добиралась до нас новостями каждый вечер. Я помню страх. Но я помню и другое. Я помню, как спорил с друзьями до хрипоты о вещах, которые сейчас никто не обсуждает. Я помню вкус победы в драке, которую ты не начинал, но закончил. Я помню, как любил женщину так, что готов был убить любого, кто к ней прикоснётся. Всё это у меня отняли. Не спрашивая. Просто пришли и сказали, что так будет лучше.

— А разве не лучше? — спросил Марк, хотя ответ уже знал.

— Лучше для кого? Для них, — старик махнул рукой куда-то вверх, в сторону правительственных зданий, — конечно, лучше. Идеальное население. Никто не бунтует, не бастует, не требует перемен. Все довольны. Но знаешь что? Довольство — это не счастье. Это его заменитель. Как сахарин вместо сахара.

— Вы могли бы помочь мне.

— Помочь в чём?

— Мне нужен доброволец. Тот, кто умрёт, чтобы антидот был создан.

Старик долго молчал. Ветер шевелил его седые волосы, и Марк вдруг заметил, что он не такой старый, как кажется. Ему было восемьдесят семь, но тело его ещё было крепким — сказалась жизнь до Прививки, когда люди двигались иначе, дышали иначе, использовали мышцы не только для утренней гимнастики под успокаивающую музыку.

— Ты спрашиваешь, согласен ли я умереть, — произнёс старик медленно. — Это тот ещё вопрос. В моё время за такие вопросы били в лицо. Но бить тебя я не могу, и ты меня не можешь. Так что давай говорить.

— Давайте.

— Ты понимаешь, что если ты создашь антидот и примешь его, ты станешь первым за сто лет человеком, который сможет убивать. Не просто думать об убийстве, не просто желать его — а действительно убивать. Ты понимаешь, какая это ответственность?

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ты вырос в мире, где слово «ответственность» означает «вовремя сдать отчёт». Ты не знаешь, что такое настоящая ответственность — та, при которой ты можешь причинить боль и выбираешь не причинять её. Не потому что не можешь, а потому что не хочешь. Это разные вещи. Совсем разные.

— Но вы же можете, — сказал Марк. — Вы не привиты. Вы могли бы причинить боль. Но вы не причиняете.

— Я старый. Я устал. И я трус. Я должен был бороться тогда, когда это ещё имело смысл. А теперь... — он махнул рукой. — Теперь уже поздно. Разве что...

Он не договорил. Но Марк понял. Они стояли в переулке, и тени становились всё длиннее, и город вокруг них продолжал жить своей бесконфликтной жизнью, не подозревая, что в узкой щели между домами двое людей решают его судьбу.

— Я согласен, — сказал старик. — Но не потому что хочу умереть. Я не хочу умирать. Я хочу жить. Но я хочу жить в мире, где у человека есть выбор. Даже если выбор этот — зло. Потому что без выбора добра не существует. Есть только программа.

Он взял Марка за плечо. Хватка была неожиданно сильной.

— Ты должен пообещать мне одну вещь.

— Какую?

— Когда ты примешь антидот, ты не станешь убивать. Ты будешь бороться — но не так, как боролись раньше. Оружие не победит оружие. Если ты начнёшь войну против «Мира», они просто запишут тебя в безумцы и всё. Ты должен быть умнее. Ты должен написать книгу. Рассказать всем правду. Пусть люди сами решают, хотят ли они жить в этом мире. Дай им выбор. Не отнимай его.

— Я обещаю, — сказал Марк.

И в этот момент Прививка внутри него взвыла. Она почувствовала опасность. Она впрыснула в кровь коктейль из успокаивающих гормонов, она попыталась заставить его улыбнуться, извиниться, сказать «ничего, я просто пошутил». Марк почувствовал тошноту, головокружение, ладони вспотели. Его тело боролось с ним самим. Но он стоял.

— Хорошо, — сказал старик. — Тогда завтра. Приходи завтра. Я подготовлю всё, что нужно. Я знаю, как это сделать. Я был врачом до Прививки. Хирургом. Я умею обращаться со скальпелем.

— Вы сделаете это сами?

— Я старый хирург. Я знаю, куда резать. И я хочу умереть с яростью в крови. Дай мне тему. Расскажи мне о том, что они сделали с миром. Раззли меня. Я должен умереть в гневе, иначе вещество не работает.

Марк посмотрел на старика и впервые за много лет почувствовал что-то похожее на восхищение. Это чувство было разрешено, но обычно применялось к красивым закатам или музыке, а не к людям. А здесь перед ним стоял человек, и он был прекрасен в своей решимости. Прекрасен и страшен одновременно.

— Я приду, — сказал Марк.

Старик кивнул и отвернулся. Разговор был окончен. Марк пошёл домой, и каждый шаг давался ему с трудом, будто он шёл против сильного ветра. Но никакого ветра не было. Воздух был неподвижен, как всегда.

Дома он снова включил терминал. На этот раз он искал не научные данные. Он искал историю старика. В архивах было не так много информации, но кое-что нашлось. Доктор Элиас Кроуфорд. Родился в 1978 году. Хирург. Работал в полевых госпиталях во время последней войны. После войны вернулся в страну, открыл частную практику. Когда началась кампания по вакцинации, он был одним из немногих, кто выступил публично против. Его статьи сохранились в архиве — старые, ещё бумажные вырезки, отсканированные небрежно, с пятнами и перекосами.

«Прививка — это не лекарство. Это кастрация души. Мы лечим болезнь, убивая пациента. Человек без агрессии — не человек. Это домашнее животное. Удобное, спокойное, послушное. Но не человек».

«Они обещают безопасность. Но спросите себя: безопасность от кого? От вас самих. Потому что вы опасны. Вы опасны для тех, кто хочет вами управлять. И если вы не хотите управляться — вы должны оставаться опасными».

«Мой отец бил меня в детстве, и я ненавидел его за это. Но когда я вырос, я понял, что его кулаки были проявлением его свободы. Неправильным, жестоким, отвратительным. Но свободой. А что предложат нам взамен? Тишину. Красивую, комфортную тишину могилы».

Марк читал, и строчки сливались перед глазами. Старик писал это почти семьдесят лет назад. И никто его не услышал. Точнее, услышали — но не захотели слушать. Люди были уставшими от войн. Им обещали мир, и они взяли его, не спросив цену. И цена оказалась такой, которую они не заметили сразу — как не замечают воздух, пока он есть. А когда заметили, было уже поздно. Они уже не могли сопротивляться. Буквально не могли.

Марк закрыл файлы и откинулся на спинку стула. Завтра он сделает то, чего не делал никто сто лет. Завтра он станет свидетелем убийства. Завтра он получит антидот. А потом он должен будет решить: принять его или уничтожить. Потому что старик прав. Обладать способностью убивать — это не свобода. Это только возможность свободы. Свобода начинается там, где ты можешь убить, но не убиваешь. Где ты можешь ударить, но не бьёшь. Где ты можешь ненавидеть, но выбираешь иное. Выбор — вот что такое свобода. А у него выбора не было. Вся его жизнь была проложена рельсами, по которым катился состав, и машинист даже не думал о стрелках. Стрелок не было.

Ночью ему приснился сон. Ему редко снились сны — Прививка подавляла и сновидения, делала их бледными и невыразительными. Но этот сон был ярким, почти галлюцинацией. Он стоял посреди огромного поля. Поле было засеяно чем-то, что колыхалось на ветру, но он не мог разобрать, пшеница это или что-то другое. На горизонте поднимался дым. Пахло гарью. Кто-то бежал к нему, крича что-то, но звука не было — только открытый рот, как на гравюре. И он понимал, что должен что-то сделать, но не мог пошевелиться. Его ноги вросли в землю. Его руки висели плетьюми. Он был заперт в собственном теле, которое отказывалось подчиняться.

Он проснулся в холодном поту.

Утро началось как обычно — мягкий свет, спокойная музыка из динамиков, улыбающийся голос помощника, сообщающий прогноз погоды. Но Марк знал, что этот день не будет обычным. Сегодня умрёт человек. И от того, как именно он умрёт, зависело будущее.

Он оделся тщательно, как на важную встречу. Чистая рубашка, пиджак. Зачем — он сам не знал. Наверное, из уважения. К старику. К тому, что должно было произойти.

Идти было недалеко. Адрес старик дал вчера — старая квартира на окраине, в доме, который не сносили только потому, что он был памятником архитектуры. Марк поднялся по лестнице. Перила были деревянные, стёртые до блеска. Пахло пылью и лекарствами.

Дверь была приоткрыта.

Он вошёл. Старик сидел в кресле у окна. Перед ним на журнальном столике лежал старый, но хорошо сохранившийся хирургический набор — скальпели, зажимы, ампулы с каким-то раствором.

— Закрой дверь, — сказал старик. Голос его был спокоен. Почти весел. — И слушай внимательно. Я расскажу тебе, что нужно делать. У нас будет только одна попытка. Если ты ошибёшься — всё зря.

— Я готов, — сказал Марк.

— Нет, — сказал старик. — Ты не готов. Но ты будешь.

Он взял скальпель и проверил лезвие пальцем. Капля крови выступила на подушечке, яркая и красная. Марк смотрел на эту каплю, и его желудок сжался в спазме. Прививка кричала в нём сиреной, но он стоял.

— Начнём, — сказал старик. — У нас не так много времени. Расскажи мне о том, что они сделали. Расскажи так, чтобы я разозлился. Я должен быть в ярости, когда умру. Без этого ничего не выйдет.

И Марк начал говорить. Он рассказывал о детях, которые никогда не узнают, что такое настоящий смех, потому что смех без причины — это истерика, а истерика подавляется. Он рассказывал о старых книгах, которые сжигали, потому что в них описывались неправильные эмоции. О людях, которые исчезали без следа, потому что их мозг не принимал Прививку и они становились «несовместимыми». О корпорации «Мир», которая сделала войну невозможной — и поэтому получила власть, которую не завоевать никакой армией. О мире, который стал тюрьмой без стен, без решёток, без охранников — потому что каждый стал охранником самому себе.

Старик слушал. Его лицо менялось. Глаза темнели. Дыхание учащалось. Рука, держащая скальпель, побелела от напряжения.

— Достаточно, — сказал он. — Я уже там.

Он встал. Подошёл к столу, где лежал хирургический набор. Начал объяснять Марку последовательность действий. Куда резать. Как извлекать. Как синтезировать.

— Ты запомнил?

— Да.

— Не бойся крови. Она не страшная. Страшное — это пустота внутри. Я прожил с ней сорок три года. Хватит.

Старик лёг на кушетку. Он снял рубашку. Старческая кожа была покрыта пигментными пятнами и шрамами — старыми, ещё с войны. Марк видел такие в учебниках, но живую — никогда. Шрамы были похожи на географическую карту несуществующей страны. Страны, которая была завоёвана и стёрта с лица земли.

— Прощай, — сказал старик. — И помни: ты обещал не убивать. Ты обещал бороться словом. Если ты примешь антидот, ты станешь первым человеком за сто лет, который может выбирать. Сделай правильный выбор. Не тот, который сделали они. Твой собственный.

Скальпель блеснул в свете лампы. Марк отвернулся. Но он слышал звук. И он знал, что уже ничего не будет как прежде.

Когда всё закончилось, когда антидот был готов — крошечная ампула с мутной жидкостью, — Марк сидел на полу и смотрел на свои руки. Они были в крови. Его тошнило. Прививка пыталась заставить его забыть, сгладить, растворить этот момент в серотониновом тумане. Но он не поддавался. Он смотрел на ампулу и думал.

Если он примет это — он станет свободным. Но свобода означала возможность убивать. Старик заплатил своей жизнью, чтобы эта возможность появилась, но он же и запретил ею пользоваться. Противоречие? Нет. Старик хотел, чтобы выбор был. Не действие — выбор.

Марк встал. Вымыл руки в старой раковине. Вода была холодной. Ампула лежала в кармане, и она была тяжёлой. Тяжелее, чем должна быть.

Он знал, что не примет её сегодня. Возможно, никогда. Но то, что она существовала, уже меняло всё. Уже давало ему то, чего он не имел никогда. Возможность. Возможность была важнее действия. Потому что возможность — это свобода. А действие — это уже реализация свободы. И каждая реализация — это выбор, за который нужно нести ответственность.

Он вышел из квартиры. Город встретил его улыбками. Марк посмотрел на прохожих и впервые не отвёл глаза. Он им улыбнулся в ответ — не стандартной улыбкой, а своей собственной. И никто не заметил разницы. Кроме него самого.

Дома он сел за стол и открыл чистый файл. Название родилось сразу. «Прививка». Он начал писать. Слова приходили трудно, но они приходили. Это будет книга. Не бомба, не оружие, не армия. Книга. И она либо изменит мир, либо станет последним текстом, который он напишет прежде, чем его объявят «несовместимым».

За окном садилось солнце. Оно проходило сквозь стекло и ложилось на стол золотым прямоугольником. Пыль танцевала в луче. Всё было как вчера. Всё было иначе. Потому что вчера у него не было выбора. Теперь он был.

Пустое место в переулке

Квартира встретила Марка тишиной. Он закрыл дверь и прислонился к ней спиной, чувствуя, как дерево холодит лопатки через рубашку. Ампула лежала в кармане пиджака, и она была тёплой — или ему казалось, что тёплой. Маленький стеклянный цилиндр, запаянный с двух сторон, внутри которого покачивалась мутная жидкость цвета разбавленного молока. Он достал её и поставил на стол. Просто поставил. Как ставят чашку с чаем, как ставят лампу. Обычный предмет. Ничего особенного.

Но особенной была тишина. Она изменилась. Раньше тишина в его квартире была продолжением городской тишины — такой же ровной, спокойной, фоновой. Теперь в ней появилась глубина. Как будто кто-то выключил генератор, которого он не замечал, и вдруг стало слышно, как оседает пыль на подоконник. Марк сидел за столом и слушал эту новую тишину, и ему казалось, что он слышит собственное сердце. Билось оно ровно, спокойно, как и положено сердцу человека с Прививкой. Но где-то там, под этим ровным ритмом, была ещё одна пульсация — слабая, почти незаметная. Эхо того, что случилось сегодня утром.

Он всё ещё видел это, стоило закрыть глаза. Старик на кушетке. Скальпель. Движение, которое невозможно описать словами, потому что слов для него не существовало. Марк знал теорию. Он читал про хирургию, про анатомию, про то, как врачи до Прививки работали с живым телом. Но одно дело — знать, что кровь имеет определённую вязкость и цвет, а другое — увидеть, как она течёт по старческой груди, как она пахнет железом и чем-то сладковатым, как она впитывается в ткань кушетки, оставляя пятно, которое никогда не отстирается. Он видел это и не мог забыть, хотя Прививка уже начала свою работу. Она уже пыталась затянуть воспоминание плёнкой, сделать его размытым, как старую фотографию. Но Марк сопротивлялся. Он не давал себе забыть. Он повторял в уме каждую деталь — цвет скальпеля, дрожание пальцев старика, звук последнего выдоха. Это было его доказательством. Единственным.

Кровь на рукаве он заметил не сразу. Маленькое пятнышко, почти точка, на манжете левого рукава. Как он его пропустил, когда мыл руки? Наверное, отвернул манжету, когда закатывал рукава, и капля попала туда, а потом он опустил рукав обратно и не заметил. Марк смотрел на это пятно и чувствовал, как внутри что-то поворачивается. Не гнев, нет. Что-то другое. Что-то, чему он пока не мог найти названия. Он снял рубашку и отнёс её в ванную. Пустил воду. Начал тереть пятно мылом, и розовая пена потекла по белой фаянсовой раковине, и это было красиво, если не думать о том, что это такое. А думать он не мог не думать. Он тёр и тёр, пока рубашка не стала чистой, но ему всё равно казалось, что пятно осталось. Просто перестало быть видимым. Как и всё в этом мире.

Потом он сел обратно за стол и включил терминал. Нужно было написать что-то. Что угодно. Первую страницу книги, которую он обещал старику. Но слова не шли. Он открыл пустой файл и смотрел на мигающий курсор, и курсор мигал в такт пульсации в висках. Что он мог написать? «Я видел смерть»? Нет, смерть он видел и раньше — в учебниках, в документальных фильмах, в музейных экспозициях. Но там смерть была абстрактной, как математическая формула. А здесь она была реальной. Она пахла. Она оставляла пятна. Она требовала от тебя участия, даже если ты просто стоял рядом и смотрел.

«Я стал соучастником убийства». Тоже не подходит. Соучастник — тот, кто помогает. А он просто стоял и смотрел. Но ведь он же просил старика об этом. Он убедил его. Он рассказал ему про корпорацию, про архивы, про то, как мир стал тюрьмой без стен. Он разжёл в старике ярость, и эта ярость убила его так же верно, как скальпель. Значит, он был не просто соучастником. Он был оружием. Слова были оружием. Это было странно — осознавать, что слова могут убивать в мире, где убийство невозможно.

Марк закрыл файл, не написав ни строчки. Он понял, что не сможет писать сегодня. Может быть, завтра. Может быть, через неделю. Сначала нужно было разобраться с тем, что лежало на столе. С ампулой.

Он взял её в руки и поднёс к свету. Жидкость была непрозрачной, но если присмотреться, в ней можно было увидеть микроскопические частицы — то ли кристаллы, то ли взвесь. Старик сказал, что антидот должен быть введён внутривенно. Медленно. Очень медленно, потому что реакция организма может быть бурной. Прививка будет сопротивляться. Иммунная система воспримет антидот как вторжение и начнёт атаковать собственные клетки, которые за сто лет научились жить с модифицированными гормонами. Будет больно. Будет страшно. Может быть, он даже умрёт — старик предупредил об этом честно, без прикрас. Но если выживет, то станет первым за столетие человеком, чьи надпочечники снова смогут выбрасывать в кровь чистый, незамутнённый норадреналин. Первым, кто сможет разозлиться по-настоящему. Ударить. Убить. Выбрать не убивать — но по-настоящему выбрать, а не потому что программа не даёт.

И вот тут был главный вопрос. Тот самый, который Марк откладывал с того момента, как вышел из квартиры старика. Что он будет делать, когда станет свободным? Как он использует эту свободу? Старик велел ему не убивать. Писать книгу. Рассказать людям правду. Но достаточно ли этого? Люди не читают книг. Точнее, читают — но только то, что разрешено. Если он напишет правду, её просто запретят. Назовут «военной пропагандой» — старик предупредил его об этом. Корпорация «Мир» контролировала все издательства, все информационные каналы, все библиотечные фонды. Единственный способ обойти цензуру — это писать в стол, как делали диссиденты прошлого, и надеяться, что когда-нибудь кто-нибудь найдёт. Но это было слабой надеждой. Для настоящих изменений нужны были действия.

Какие действия? Действия — это глагол. Марк перебирал в уме глаголы, которым его учили в школе, и понимал, что почти все они описывали пассивное, безопасное поведение. Сотрудничать. Согласовывать. Обсуждать. Улыбаться. Глаголы активного сопротивления были исключены из языка. Они сохранились только в исторических текстах, и то с пометкой «устаревшее, не рекомендуется к употреблению». Бороться. Требовать. Отстаивать. Нападать. Нет, последнее определённо было под запретом. Но именно его имел в виду старик, когда говорил про ответственность.

Марк положил ампулу обратно на стол и пошёл на кухню. Налил воды из фильтра. Вода была тёплая, невкусная. Он пил её медленно, глядя в окно. За окном был всё тот же город — чистый, тихий, улыбающийся. Никто не знал, что сегодня умер человек. Никто не знал, что на окраине, в старом доме, лежит тело, и что это тело — единственное за сто лет, которое пахнет свободой. Когда-нибудь его найдут. Соседи заметят отсутствие старика, известят социальную службу, та пришлёт бригаду. Они войдут в квартиру, увидят тело, зафиксируют «естественную смерть от остановки сердца» — потому что никто не будет проводить вскрытие, никто не будет искать следы насилия. Сама идея насильственной смерти была настолько чужда их сознанию, что они просто не заметят разреза. Или заметят, но не поймут, что это. Или поймут, но их мозг откажется это осознавать, переведёт в категорию «ошибка восприятия».

Марк допил воду и вернулся к столу. Ампула лежала там, где он её оставил. Маленькая стеклянная бомба. Он взял её и повертел в пальцах. Стекло было гладким, прохладным. Если разбить — всё пропадёт. Единственный шанс. Единственный антидот. Старик умер за это. Если Марк сейчас разобьёт ампулу, смерть старика станет бессмысленной. Просто смертью старого человека, который не хотел жить в мире без выбора. А с ампулой она становилась жертвой. Жертва — ещё одно запрещённое слово. Жертвовать можно было только временем на волонтерство или деньгами на благотворительность. Жертвовать жизнью — это было дико, архаично, это пахло войной и религией, а и то и другое было отменено.

Он решил спрятать ампулу. Надёжно, но так, чтобы всегда иметь доступ. Он оглядел комнату. Шкаф? Слишком очевидно. Книжная полка? Книги никто не читает, кроме него, но всё равно — если придёт проверка, они первым делом перетряхнут книги. Вентиляционная решётка? Старо, все фильмы про шпионов начинаются с вентиляции. В конце концов он выбрал место, до которого никто не додумается — пустой контейнер из-под пищевых добавок на кухне. Обычная банка с этикеткой «Омега-3», стоит среди таких же банок. Он положил ампулу на дно, засыпал сверху сухим рисом, закрыл крышку. Поставил обратно на полку. Теперь антидот был невидим. Но он был.

Время подходило к полудню. По распорядку Марк должен был быть в библиотеке — у него был допуск до трёх часов, он планировал продолжить работу с архивом. Но идти никуда не хотелось. Тело было ватным, мысли двигались медленно, как в густом сиропе. Это Прививка делала свою работу — она реагировала на стресс выбросом седативных веществ. Организм пытался успокоить сам себя, заставить забыть, расслабиться, улыбнуться. Марк чувствовал, как уголки губ сами тянутся вверх, и это было противно. Он заставил себя не улыбаться. Это было трудно — как удерживать мышцу, которую свело судорогой. Но он держал. Он смотрел в зеркало и видел лицо с напряжённым ртом, с глазами, в которых не было стандартного блеска. Это было лицо человека, а не функции.

Он всё-таки пошёл в библиотеку. Не потому что хотел — потому что нужно было соблюдать рутину. Отклонения от рутины фиксировались системой. Каждый гражданин имел график, и отклонения от графика требовали объяснений. Пока что Марк не хотел привлекать внимания. Он ещё не был готов. Он не знал, будет ли готов когда-нибудь.

Библиотека была почти пуста. В это время дня здесь обычно никого не было — только сотрудники и пара-тройка исследователей. Марк прошёл в свой сектор, кивнул библиотекарше, получил допуск к архиву и сел за стол. Достал папку, которую не закончил вчера. Открыл. Буквы прыгали перед глазами, не складываясь в слова. Он смотрел на страницу и думал о том, что где-то там, в старом доме на окраине, лежит человек, который ещё вчера разговаривал с ним, а сегодня уже не разговаривает. И никто об этом не знает. И никому до этого нет дела.

— Марк, у вас всё в порядке? — библиотекарша подошла бесшумно, как всегда. Её звали Елена. Ей было лет сорок, у неё были мягкие каштановые волосы и стандартная улыбка. Но в голосе её Марку почудилось что-то ещё. Беспокойство? Нет, не может быть. Беспокойство — эмоция, которая разрешена только в определённых контекстах, и состояние коллеги в них не входило.

— Да, всё отлично, — сказал Марк и улыбнулся. Улыбка вышла кривоватой, но Елена не заметила.

— Вы вчера ушли раньше обычного. Я подумала, может, плохо себя чувствуете.

— Немного устал. Ничего серьёзного.

— Берегите себя. Здоровье важно.

— Спасибо, Елена.

Она кивнула и ушла, а Марк остался сидеть с открытой папкой. «Вы вчера ушли раньше обычного». Значит, за ним следят. Не специально — просто система мониторит всех. Время входа, время выхода, время пребывания на рабочем месте. Если его спросят, где он был сегодня утром, что он ответит? Он не подумал об этом. Он вообще не думал о практических вещах, когда шёл к старику. Его вело что-то другое — импульс, который Прививка не смогла подавить. И теперь этот импульс поставил его в уязвимое положение.

Нужно было создать алиби. Марк закрыл папку и подошёл к Елене.

— Я хотел бы продлить допуск на следующую неделю. У меня большой объём работы.

— Конечно. Какая тема?

— Экономика переходного периода. Как общество адаптировалось после Прививки.

— О, это интересно. Я могу подобрать материалы.

— Был бы благодарен.

Обмен улыбками. Обмен пустыми фразами. Но внутри Марка что-то сжалось. Он сказал «экономика переходного периода», а на самом деле он будет искать совсем другое. Как устроена корпорация «Мир». Кто её возглавляет. Где находятся её серверы. Как она контролирует информацию. Это была подготовка к тому, что он пока не решился сделать. Разведка. Сбор данных. Академическая работа, которая на самом деле была планом сопротивления.

Он вернулся за стол и открыл терминал. Доступ к библиотечному каталогу давал ему возможность искать по ключевым словам. Ключевые слова — это было важно. Если набрать «корпорация Мир структура управления», система могла отметить запрос как подозрительный. Нужно было искать иначе. Через смежные темы. Через историю фармацевтической индустрии. Через биографии бывших руководителей «Майт Индастриз». Марк начал составлять список запросов, которые выглядели бы невинно, но вели к нужной информации. Это была работа, похожая на археологию — ты копаешь не там, где зарыто, а там, где можно копать, и по кусочкам собираешь целое.

Первый час прошёл безрезультатно. Информация о корпорации была тщательно вычищена. Все упоминания «Майт Индастриз» были удалены или отредактированы так, что слово «оружие» заменялось на «продукция», а «военные контракты» — на «государственные заказы». Марк пролистывал страницу за страницей и чувствовал, как растёт раздражение. Раздражение — это было то, что Прививка должна была блокировать полностью. Но сейчас оно просачивалось, как вода сквозь трещину в плотине. Слабое, едва заметное, но оно было. Может быть, антидот начал действовать, даже не будучи принятым? Может быть, само его существование, сама возможность выбора уже ослабляла Прививку?

К концу второго часа он нашёл кое-что. Старая финансовая отчётность, которую, видимо, забыли отредактировать. В ней значились суммы, потраченные на «перепрофилирование производственных мощностей». Год, когда это произошло, совпадал с годом массовой вакцинации. До этого «Майт Индастриз» производила танки и ракеты. После — «медицинское оборудование». Но заводы остались те же. Персонал остался тот же. Изменилась только вывеска. И прибыль. Прибыль выросла втрое.

Марк переписал цифры в свой блокнот. Бумажный блокнот, не файл. Он не доверял файлам. Бумагу можно сжечь, если что. Данные на сервере остаются навсегда, даже если ты их удалил.

В три часа он вышел из библиотеки. Солнце стояло высоко, город жил своей обычной жизнью, и ничто не напоминало о том, что произошло сегодня утром. Марк шёл по улице и смотрел на людей. Мужчина с портфелем. Женщина с детской коляской. Подростки, играющие в какую-то игру на планшетах. У всех были лица, лишённые напряжения. Гладкие лбы. Расслабленные челюсти. Улыбки. Марк поймал себя на мысли, что начинает их ненавидеть. Ненависть — это было слишком сильное слово, и Прививка тут же включила тормоза, превратила ненависть в лёгкую неприязнь, в «мне не очень нравится, но я уважаю их выбор». Но он знал, что под этим слоем — ненависть. Настоящая. Человеческая.

Он не пошёл домой. Ноги сами привели его в переулок. Тот самый переулок, где ещё вчера стоял старик. Сегодня там было пусто. Только стена, к которой он прислонился, казалась чуть более тёмной — будто тень старика впечаталась в камень. Марк стоял на этом месте и чувствовал странную смесь печали и облегчения. Печаль — потому что старика больше не было. Облегчение — потому что старик больше не был пленником этого мира. Он ушёл на своих условиях. Свободным. Единственным доступным ему способом.

В углу переулочка что-то лежало. Маленький предмет, почти незаметный на сером камне. Марк подошёл ближе. Это была книга. Старая, в потрёпанном переплёте, с пожелтевшими страницами. Старик, должно быть, оставил её здесь — специально или случайно. Марк поднял книгу и открыл. На титульном листе было написано от руки: «Тому, кто будет искать. Здесь

то, о чём молчат». Почерк был неровный, старческий, но разборчивый. Тот же почерк, что и в письме, найденном в библиотеке. Марк сунул книгу под пиджак и быстро пошёл домой.

Дома он открыл книгу. Это был дневник. Дневник человека, который жил до Прививки и пережил её введение. Первая запись была датирована 2028 годом — годом, когда началась массовая вакцинация. Последняя — прошлым месяцем. Семьдесят с лишним лет жизни, уместившиеся в три сотни страниц. Марк начал читать.

«Они говорят, что это добровольно. Но если ты не делаешь прививку, ты не можешь работать в госучреждениях, не можешь водить машину, не можешь путешествовать. Ты становишься гражданином второго сорта. Добровольно — значит, у тебя есть выбор между Прививкой и изоляцией».

«Моя дочь сделала прививку вчера. Сегодня она улыбалась и говорила, что всё хорошо. Но это не её улыбка. Я знаю её улыбку. Я растил её семнадцать лет. Это другая улыбка. Чужая».

«Они называют это победой над агрессией. Но агрессия — это не только кулаки. Агрессия — это когда ты споришь с начальником о несправедливой зарплате. Когда ты требуешь от правительства отчёта. Когда ты не согласен. Всё это теперь невозможно. Мы стали вежливыми. Мы стали удобными. Мы перестали быть людьми».

Марк читал до глубокой ночи. Страницы шуршали, как сухие листья. Каждая запись была ударом. Дневник рассказывал о том, как мир менялся — медленно, незаметно, шаг за шагом. Сначала исчезли протесты. Потом исчезли оппозиционные партии. Потом исчезли даже разговоры на кухне — не потому что боялись, а потому что не было желания спорить. Прививка убила не только агрессию. Она убила инициативу. Критическое мышление. Страсть. Всё, что делает человека опасным — и живым.

На последней странице была запись, сделанная, судя по дате, за день до смерти старика.

«Сегодня со мной заговорил молодой историк. Он смотрел на меня так, как смотрит голодный на хлеб. Он хочет знать правду. Я дам ему правду. Я дам ему больше, чем правду. Я дам ему инструмент. И пусть он решит сам, что с ним делать. Я своё отжил. Теперь его очередь».

Марк закрыл дневник. Руки дрожали. На этот раз Прививка не могла подавить дрожь — слишком сильным было потрясение. Старик знал. Знал с самого начала. Он ждал кого-то, кто придёт и спросит. Ждал много лет. И когда Марк пришёл, он был готов.

Теперь ответственность лежала на Марке. Не та ответственность, о которой пишут в учебниках по этике. Настоящая. Та, от которой нельзя отказаться.

Он достал из кухонного шкафа банку с надписью «Омега-3», отсыпал рис и вынул ампулу. Поставил на стол рядом с дневником. Смотрел на неё долго, не отрываясь.

— Я сделаю это, — сказал он вслух. Слова упали в тишину и остались лежать, не подхваченные эхом. — Но не сейчас. Сначала книга. Сначала я расскажу им всё. А потом... посмотрим.

Он убрал ампулу обратно в банку. Достал из ящика стопку чистой бумаги — он решил писать от руки, как старик. Бумага не оставляет следов в сети. Бумагу можно спрятать. Бумага молчит, пока ты сам не заговоришь.

Перо скрипнуло по листу. Марк вывел первую строчку:

«Это книга о том, как человечество разучилось злиться, и о том, почему это убило нас раньше, чем мы умерли».

За окном начинался рассвет. Город просыпался, улыбаясь. А в маленькой квартире на третьем этаже старого дома человек писал книгу, которая должна была изменить мир — или уничтожить его создателя. Марк не знал, что случится раньше. Но он знал, что больше не может молчать.

Тени на плёнке

Бумага кончилась на четвёртый день. Марк не заметил, как это произошло. Он просто протянул руку к стопке, нащупал пустоту и замер. На столе лежало семьдесят три исписанных листа. Они были разбросаны веером, некоторые лежали текстом вниз, некоторые были смяты и разглажены снова. Почерк скакал — первые страницы были выведены аккуратно, почти каллиграфически, а последние напоминали кардиограмму сумасшедшего. Прививка боролась с ним каждую минуту, пока он писал. Она заставляла его останавливаться, перечитывать написанное и думать: «Зачем ты это делаешь? Это же неправильно. Это опасно. Это может кого-то расстроить». И каждый раз он отвечал себе — не словами, а просто продолжал писать. Преодолевая сопротивление мышц, как будто шёл по пояс в воде.

Он перечитал написанное. Это был не связный текст. Это были обрывки, фрагменты, крик, записанный на бумаге. История о том, как корпорация «Майт Индастриз», потерявшая рынок вооружений после последней большой войны, нашла новый способ контроля. Не через оружие — через его отсутствие. Не через страх — через комфорт. Не через тиранию — через заботу. Это было гениально в своей чудовищности. Если ты не можешь заставить людей подчиняться силой, сделай так, чтобы они не могли сопротивляться. Не запрещай — просто убери саму возможность запретного. И люди будут благодарны тебе за это. Будут улыбаться тебе. Будут платить тебе за вакцину, которая лишает их свободы, и называть тебя спасителем.

Марк отложил листы и потёр глаза. Глаза болели от напряжения. Он почти не спал эти четыре дня. Он выходил из дома только в библиотеку, чтобы соблюдать рутину, и то механически, не замечая ничего вокруг. Елена, библиотекарьша, кажется, что-то заподозрила — она смотрела на него дольше обычного, и её улыбка была чуть менее стандартной, как будто она пыталась что-то понять, но не могла сформулировать вопрос. Марк отвечал ей такой же улыбкой и уходил в архив, где листал старые газеты и делал вид, что изучает экономику переходного периода. На самом деле он искал имена. Имена людей, которые стояли за «Майт Индастриз». Которые превратили её в «Мир». Которые до сих пор управляли корпорацией — а значит, и миром.

Он нашёл три имени. Первое — Ричард Хольт. Генеральный директор «Майт Индастриз» на момент трансформации. В прессе его называли «архитектором мира». Марк нашёл его фотографию в старом журнале. Хольт стоял на фоне заводских труб и улыбался. Улыбка была открытая, широкая, но глаза не улыбались. Глаза смотрели прямо в объектив, как будто оценивали каждого, кто посмотрит на этот снимок. Марк долго вглядывался в это лицо, пытаясь понять, что за человек мог придумать такое. Не просто придумать — реализовать. Потратить миллиарды долларов на исследования. Убедить правительства всех стран, что Прививка — это благо. Провести её через все комитеты по этике, через все клинические испытания, через все протесты. А протесты были. Дневник старика упоминал их — демонстрации перед зданиями правительств, голодовки учёных, письма врачей. Но протесты сошли на нет, потому что Прививка работала. Она делала людей спокойными. Удобными. Молчаливыми.

Второе имя — доктор Эвелин Шоу. Главный биохимик проекта. Именно она разработала формулу, блокирующую агрессию. Марк нашёл её научные статьи, опубликованные до Прививки. Они были блестящи. Она изучала механизмы страха и ярости, работала с ветеранами войн, которые страдали от посттравматического расстройства. Её ранние работы были направлены на помощь — как снять избыточную агрессию у тех, кто не может контролировать себя после боевых действий. Марк читал эти статьи и чувствовал почти восхищение. Она действительно хотела помочь. Она видела страдания и искала способ их прекратить. Но потом что-то изменилось. Её исследования выкупила «Майт Индастриз». Она перешла в корпоративные лаборатории. И вместо лекарства для больных получилось лекарство для здоровых — для всех.

Марк не мог понять, в какой момент благое намерение превратилось в инструмент контроля. Может быть, когда она поняла, что её открытие можно продать. Может быть, когда ей объяснили, что мир во всём мире стоит того, чтобы пожертвовать небольшой частью человеческой природы. А может быть, ей просто дали достаточно денег.

Третье имя было самым трудным. Оно не упоминалось в открытых источниках. Марк нашёл его в зашифрованном файле, спрятанном среди медицинской статистики. Файл был подписан «Архив_Вакцинация_Побочные_Эффекты», но содержал не статистику, а переписку между Хольтом и неким «Дж.». Письма были короткие, сухие, деловые. «Дж.» инструктировал Хольта о сроках, о дозировках, о том, как обходить юридические ограничения в разных странах. Стил писем был властный, уверенный. Этот «Дж.» явно стоял выше Хольта. Но кто он? Марк потратил целый день, пытаясь найти хоть одну зацепку. И нашёл. В одном из писем упоминался адрес — старый, ещё довоенный почтовый индекс. Марк пробил его по базе данных недвижимости. Адрес вёл к зданию, которое сейчас принадлежало «Миру», но раньше было штаб-квартирой «Майт Индастриз». На верхнем этаже находился офис, не обозначенный ни в одном реестре. Офис без номера. Его называли просто «Дирекция».

Значит, «Дж.» до сих пор там. До сих пор управляет. До сих пор решает, что можно знать людям, а что нельзя.

Марк откинулся на спинку стула. Голова гудела от недосыпа и перенапряжения. Прививка требовала отдыха — она снижала уровень кортизола, делала его вялым, безвольным. Ему хотелось лечь и уснуть, забыть всё, что он узнал. Но он не мог. Он думал о старике. О его лице в последний момент. О том, как он сказал: «Я хочу умереть в гневе». И он умер в гневе — Марк видел это, чувствовал это, когда извлекал надпочечники. Ткань была почти горячей, насыщенной гормонами ярости. Старик подарил ему не просто антидот. Он подарил ему пример. Пример того, как человек может распорядиться своей свободой даже тогда, когда её почти не осталось.

Теперь нужно было решить, что делать с написанным. Семьдесят три листа — это не книга. Это сырой материал. Чтобы он стал книгой, его нужно было структурировать, отредактировать, дополнить. А главное — его нужно было где-то спрятать. Хранить дома было опасно. Если кто-то придёт с проверкой — а проверки бывали, хоть и редко, — эти листы станут его смертным приговором. Не в буквальном смысле — казней не было, Прививка исключала саму идею смертной казни. Но его объявят «несовместимым». Это слово было хуже смерти. Несовместимых изолировали. Их отправляли в специальные центры, где проводили «углублённую терапию». Никто не знал точно, что там происходит. Никто не возвращался оттуда прежним. Марк слышал о таких случаях — официальные сводки называли их «успешной адаптацией». Люди выходили из центров спокойными и улыбающимися. Их память о прошлой жизни была стёрта. Их личности были переписаны. Они становились ещё более идеальными гражданами, чем те, кто родился после Прививки.

Марк не хотел такой судьбы. Значит, нужно было найти тайник.

Он вспомнил про подвал в библиотеке. В старых зданиях всегда есть подвалы, и в них всегда есть закоулки, о которых забывают. Библиотека была построена ещё до Прививки, в начале двадцать первого века, когда строили с запасом. Марк много раз спускался в архивное хранилище, но дальше первого подземного этажа не заходил. А между тем схема здания, которую он видел мельком в техническом файле, показывала ещё два уровня вниз. Старое бомбоубежище, законсервированное после войны. Вход туда был закрыт, но замки в библиотеке были стандартные, а у Марка был доступ категории «А».

Он начал готовиться к вылазке.

Первым делом нужно было составить план. Марк достал чистый лист — последний из стопки — и начертил схему библиотеки по памяти. Парадный вход, читальный зал, кабинеты сотрудников, архивное хранилище на первом подземном уровне, лестница вниз. Дальше шла

неизвестность. Он не знал, что там — закрытые двери, сигнализация, может быть, даже автоматические камеры. Но камеры в библиотеке были только на входе и в читальном зале. В архивном хранилище их не было — Марк знал это точно, потому что много раз там работал. Значит, если он попадёт в хранилище, он уже будет вне наблюдения. Дальше — дело техники.

Второе — время. Лучше всего было идти вечером, перед закрытием. В это время Елена и другие сотрудники заняты отчётами и не следят за посетителями. Он может задержаться в хранилище, сделать вид, что увлёкся работой. Никто не будет проверять. Если повезёт, он сможет остаться в библиотеке на ночь. Это было рискованно — охрана обходила здание по внешнему периметру, но не заходила внутрь, потому что внутри нечего было охранять. Кому нужны книги? Кроме него и ещё десятка историков — никому.

Третье — инструменты. Ему нужен был фонарь. Терминал показывал схему коммуникаций — электричество в подвале было отключено. Нужна была отмычка или что-то, чем можно открыть старый замок. Марк порылся в ящиках и нашёл набор для ремонта очков — маленькие отвёртки, пинцет, тонкие металлические пластины. Этого должно было хватить. Старые замки были механическими, а не электронными. Взломать их было проще — во всяком случае, так писали в книгах.

Он сложил всё в сумку, сверху положил папку с бумагами для прикрытия, и отправился в библиотеку.

По дороге он встретил соседа. Соседа звали Томас. Он жил этажом выше и работал в муниципальном саду — стриг газоны и ухаживал за цветами. Томас всегда улыбался особенно широко, и его улыбка была настолько искренней, что Марку становилось не по себе. Искренняя фальшь — так он это называл про себя. Томас помахал ему рукой.

— Добрый день, Марк! Чудесная погода, правда?

— Чудесная, Томас.

— Вы сегодня поздно возвращаетесь?

— Планирую задержаться в библиотеке. Много работы.

— Берегите себя. Работа — это важно, но отдых тоже важен.

— Конечно, Томас. Спасибо.

Обмен пустыми фразами. Но Марк заметил, как Томас смотрит на его сумку. Слишком внимательно. Слишком долго. Может быть, ему показалось. А может быть, Томас был не просто садовником. В новом мире никто не был просто кем-то. Все были частью системы, и некоторые её части служили глазами и ушами.

В библиотеке Елена встретила его как обычно.

— Марк, вы сегодня надолго?

— Думаю, до закрытия. Мне нужно сверить кое-какие данные.

— Хорошо. Я оставлю вам свет в читальном зале.

— Спасибо.

Он прошёл в архивное хранилище. Здесь было тихо, прохладно, пахло старой бумагой и ещё чем-то — может быть, плесенью, которая пряталась за стеллажами. Марк подождал, пока Елена закроет дверь хранилища с внешней стороны — это была обычная процедура, посетители не должны были оставаться в хранилище без присмотра, но Марка Елена знала и доверяла ему. Дверь закрылась, щёлкнул замок. Марк остался один.

Он выждал десять минут — на всякий случай, если Елена что-то забыла и решит вернуться. Потом подошёл к дальней стене, где за стеллажами с периодикой должен был находиться вход на нижние уровни. Он нашёл его быстро — металлическая дверь, выкрашенная серой краской, с табличкой «Техническое помещение. Вход только для персонала». Замок был старый, накладной, с цилиндрическим механизмом. Марк достал отвёртки и принялся за работу.

Он никогда не взламывал замков. Но он читал об этом. Чтение и практика — разные вещи, однако сейчас у него не было выбора. Он вставил тонкую отвёртку в скважину, нащупал

пины, начал их по очереди поднимать. Руки дрожали — не от страха, а от напряжения. Прививка снова вмешивалась, внушала ему, что это неправильно, что он нарушает правила, что хорошие граждане так не делают. Он игнорировал её. Пин за пином. Пот заливал глаза. Спина ныла. И наконец — щелчок. Замок открылся.

Марк потянул дверь на себя. Она подалась с тяжёлым скрипом, как будто её не открывали много лет. За дверью была темнота и запах сырого бетона. Марк включил фонарь и шагнул внутрь.

Лестница уходила вниз крутыми ступенями. Стены были голые, с потёками ржавчины от старых труб. Он считал ступени — двадцать, двадцать пять, тридцать. Наконец лестница закончилась, и он оказался в длинном коридоре. По обе стороны были двери — стальные, тяжёлые, некоторые приоткрыты. Он заглянул в первую. Пустая комната, бетонный пол, остатки сгнивших стеллажей. Вторая — такая же. Третья была больше похожа на бункер: металлические койки вдоль стен, ржавые капельницы, пустые ампулы на полу. Марк остановился. Это был не просто подвал. Это был госпиталь. Военный госпиталь, судя по символике на стене — красный крест, выцветший, но ещё различимый. Что он здесь делал, под библиотекой? Может быть, во время войны здесь лечили раненых. А может быть, здесь происходило что-то другое.

Он пошёл дальше. Коридор сворачивал, разветвлялся. Марк оставлял метки на стенах куском мела, который захватил с собой. Лабиринт, подумал он. Настоящий лабиринт под землёй, и никто наверху не знает о его существовании. Или знают, но предпочитают не вспоминать.

В конце одного из ответвлений он нашёл комнату, которая отличалась от других. Во-первых, она была заперта. Во-вторых, на двери была табличка — не старая, а относительно новая, пластиковая. «Архив. Департамент тестирования». Марк снова достал отвёртку. Этот замок был сложнее, но поддался. Дверь открылась.

В комнате стояли шкафы с папками. Не коробки, не разрозненные бумаги, а аккуратные ряды папок с бирками. Марк провёл фонарём по корешкам. «Протокол 1. Контрольная группа». «Протокол 7. Коррекция дозировки». «Протокол 12. Подавление рецидивной агрессии». Он вытащил первую папку и открыл.

Внутри были истории болезни. С фотографиями. Люди — мужчины, женщины, дети. У каждого было два снимка: «до» и «после». На снимках «до» они выглядели обычно — кто-то улыбался, кто-то хмурился, кто-то смотрел в объектив с вызовом. На снимках «после» все они улыбались одинаково. Той самой стандартной улыбкой, которую Марк видел каждый день на улице. И глаза у них были одинаковые — спокойные, пустые, как у кукол.

Это были не обезличенные данные. Это были живые люди. Добровольцы, на которых тестировали Прививку. Или не добровольцы. Марк пролистал несколько страниц и нашёл примечание внизу одного из протоколов: «Субъект 47. Доставлен из пенитенциарного учреждения 12. Осуждён за особо тяжкое преступление. Согласие на участие получено в обмен на смягчение приговора». Дальше — описание процедуры. Дозировка, реакция, побочные эффекты. Субъект 47 умер через три дня от анафилактического шока.

Марк закрыл папку. Его тошнило. Прививка пыталась подавить тошноту, но тело бунтовало. Он смотрел на ряды шкафов, и до него доходил масштаб. Это был не просто архив. Это было кладбище. Сотни, может быть, тысячи людей прошли через эти стены, чтобы создать совершенную формулу — ту самую, которую потом вкололи всему человечеству. Их смерть, их страдания, их стёртые личности стали фундаментом нового мира.

И этот фундамент был скрыт под библиотекой, как грязный секрет под ковром.

Марк понял, что это и есть его оружие. Не антидот. Не книга. Документы. Настоящие, неотредактированные, с печатями и подписями. Если он сможет обнародовать их, мир узнает правду. Не его слова — словам могут не поверить. Но документам поверят. Документы нельзя назвать пропагандой.

Он начал отбирать папки. Самые важные: протоколы испытаний, переписка с руководством, отчёты о побочных эффектах. Он складывал их в сумку, пока она не наполнилась до отказа. Осталось решить, где это спрятать. Выходить с такой сумкой через главный вход было нельзя — охрана могла проверить. Значит, нужно было найти другое место здесь, в подвале.

Он вернулся в коридор и пошёл дальше. Комнаты, комнаты, бесконечные комнаты, и в каждой — следы прошлого. Сломанные приборы, пробирки, пожелтевшие графики на стенах. И наконец — комната, которая была меньше других. В углу стоял старый сейф. Тяжёлый, довоенный, с механическим кодом. Марк попробовал ручку — заперто. Но рядом с сейфом на полу лежал листок бумаги, приклеенный скотчем к обратной стороне стола. На листке — шесть цифр. Код.

Старик говорил, что некоторые вещи в этом мире происходят не случайно. Может быть, кто-то до Марка был здесь. Кто-то хотел, чтобы этот архив нашли. Кто-то оставил код.

Марк набрал цифры. Сейф открылся. Внутри было пусто, если не считать пачки старых фотографий и ещё одного дневника — на этот раз женского, судя по почерку. Марк взял дневник и фотографии, положил в сейф свои папки, закрыл его и запомнил код. Теперь у него был тайник. Надёжный, под землёй, в забытом бункере, куда никто не заглядывал полвека.

Он посмотрел на часы. Прошло четыре часа. Уже глубокая ночь. Библиотека закрыта, наверху темно. Он может выбраться через служебный выход, который нашёл по схеме. Никто не заметит.

Перед уходом он открыл женский дневник на первой странице.

«Меня зовут доктор Эвелин Шоу. Если вы читаете это, значит, я мертва. Или они сделали так, что меня больше нет. Я пишу это, потому что хочу, чтобы кто-то знал правду. Мы создали чудовище. И я не могу его остановить».

Марк замер. Дневник Шоу. Той самой Шоу, которая разработала формулу. Она была здесь? Она работала в этом бункере? И она оставила дневник для того, кто придёт после? Он хотел читать дальше, но силы кончились. Глаза закрывались. Нужно было уходить.

Он спрятал дневник Шоу во внутренний карман пиджака и медленно, держась за стены, пошёл к выходу. Через сорок минут он был дома. Рухнул на кровать, не раздеваясь, и провалился в сон без сновидений — тяжёлый, чёрный, как вода в старом колодце.

Утром его разбудил стук в дверь. Марк вскочил, сердце колотилось где-то в горле. Кто мог прийти в такую рань? Он подошёл к двери, посмотрел в глазок. На пороге стояла Елена.

— Марк, вы дома? — её голос был встревоженным, и это было так необычно, что Марк на мгновение замер. — Я зашла в библиотеку утром и увидела, что замок в техническое помещение открыт. Вы не знаете, кто это мог сделать?

Он открыл дверь.

— Доброе утро, Елена. Не знаю. Я ушёл вчера до закрытия.

— Странно. Охрана говорит, что наружного проникновения не было.

— Может быть, кто-то из персонала забыл закрыть.

— Может быть, — она смотрела на него пристально, и Марк вдруг понял: она знает. Или догадывается. Но в её глазах было не осуждение. Что-то другое. Что-то похожее на тот самый голод, который он видел в глазах старика. Голод по правде.

— Я могу чем-то помочь? — спросил он.

— Нет, — сказала она медленно. — Но если у вас будет информация... вы ведь историк. Вы понимаете важность сохранности архивов.

— Конечно.

Она ушла, а Марк остался стоять в дверях. Сердце постепенно успокаивалось. Прививка пыталась убедить его, что всё в порядке, что бояться нечего, что Елена просто выполняет свою работу. Но он знал лучше. Круги сходились. И теперь у него был не только антидот. У него были документы. У него был дневник создательницы Прививки. И у него был выбор.

Он достал дневник Шоу из кармана, налил себе чаю и начал читать.

Почерк создательницы

Дневник доктора Шоу пах плесенью и старым временем. Обложка была кожаная, потрескавшаяся по краям, и когда Марк открыл её, из сгиба посыпалась мелкая бумажная труха — страницы истончились за десятилетия, стали хрупкими, как крылья мёртвой бабочки. Почерк был мелкий, бисерный, с наклоном вправо, и в нём чувствовалась привычка писать быстро — мысли обгоняли руку, буквы слипались в слова, слова в строки, строки в абзацы, которые дышали тревогой. Марк сидел на кухне, пил уже третий за утро чай и читал. Солнце ползло по столу, меняло форму светового пятна, а он не замечал ни времени, ни остывшего чая, ни того, что за окном город начал свою обычную улыбчивую жизнь. Он был там, в бункере, семьдесят лет назад, рядом с женщиной, которая погубила человечество и пыталась его спасти.

«Я не знаю, кто это читает. Может быть, никто. Может быть, эти страницы истлеют раньше, чем их найдут. Но я должна писать. Потому что правда, не записанная на бумаге, исчезает. А правда об этом месте должна выжить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.